

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛЮБИМЕЦ ИНСТРУКТОРОВ

Кто это — Ницше?
Только быстренько...

Эрнсту Неизвестному девятого апреля исполняется 75 лет. На Неизвестном сплелись все узлы XX века. Даже после отъезда из страны и начала американской карьеры ему не грозило ни кануть в эмигрантскую Лету, ни превратиться в западного художника. Неизвестный до сих пор остается сугубо российским комплексом — одни видят в нем пророка, другие хотят освободиться, как от болезни. Для поэта Сапгира он — воплощение неумейной творческой воли (скрипит сгибаясь арматура — и по Нью-Йорку/ Москве и Екатеринбургу/ по парку/ по травке в горку/ топает скульптура), для критика-постмодерниста — стоматолог (Екатерина Деготь). Противоречивые оценки даются не конкретному скульптору. Здесь выразилось отношение к культуре «оттепели», ко «второму авангарду», плоть от плоти которых Неизвестный — и герой, и судья в одном лице. В этой связи нам показались особенно интересными воспоминания художника Анатолия Брусиловского — соратника Неизвестного, схожего с ним судьбой. Сейчас Анатолий Максимович живет в Кельне, месяц назад он привез в Москву собственную книгу «Время художников», изданную минимальным тиражом, как говорится, для внутреннего пользования. Пристрастность мемуаров Брусиловского — это эстетическая пристрастность к «эпохе Художников» (поэтому рассказ идет в прошедшем времени), наступившему после 57-го года и завершившемуся брежневским застоём. Мы публикуем (с небольшими сокращениями) главу, посвященную Эрнсту Неизвестному.

Герой войны. Почти погибший со славою — где-то был памятник павшим, его имя было среди них. Однако он выжил. В МОСХе, Союзе художников Москвы, одни считали его исчадием ада, другие — опорой и надеждой отечественного искусства. Его слава была невероятна, его имя — на слуху, рядом с такими культовыми фигурами, как Евтушенко и Окуджава.

Ходило по рукам стихотворение Андрея Вознесенского «Лейтенант Неизвестный Эрнст...», где он возводился в ранг того самого «Неизвестного солдата», символа и защитника народа, чья могила — предмет поклонения.

Сам Неизвестный был полон мегалитических замыслов. Он хотел делать гигантские скульптуры величинной с небоскреб, внутри которых были бы обсерватории и аудитории; его «Площадь Мысли», «Древо Жизни», его скульптуры были полны неистовой энергии, экспрессии — клубки мускулов, рты в диком крике, мощь,

мощь! И даже работы, сделанные на темы Достоевского, были похожи на Лаокоона, сильно деформированного, со вздутыми мышцами. Таков был его пластический язык.

Неизвестный занимается монументальной скульптурой, а это освещенная и самая возлюбленная область совкового искусства. План монументальной пропаганды, гигантомания идолов вождей, сакральные монументы на курганах, площадях — советскому воину-освободителю, матери-родине...

Вся эта пропагандистская бодяга стоила миллионы и миллионы. Так что Эрнст сразу попал в самую гущу Большой драки за Огромные гонорары! Тут уже были свои, без всякой меры облаканные властью корифеи — Манизер, Томский, главный «капо ди тутти капи» скульптурной мафии Вучетич. Все они были увешаны орденами, все они были депутатами, лауреатами, все они имели немеренные богатства и привилегии. На них тру-

дились целые коллективы, активы и роты — безвестные «негры», то есть другие скульпторы, не дошедшие до таких кондиций.

Эрнст попал прямо в центр циклона. Он был готов и имел вкус к добыванию победы любым путем. Использовал уже сложившуюся практику личных знакомств, внутриведомственные склоки, подковерную борьбу. В дело шло все: дочь Шепилова, сын Микояна, жена Хрущева! Его тактика не отличалась от тактики какого-нибудь Вучетича — ведь цель была огромная, невиданно гигантская!

Одной из любимых Эрнстом тем была его вера в то, что советскую власть можно как-то улучшить, отмыть, гуманизировать и сделать честной и «прогрессивной».

И в эту свою иллюзию ему так хотелось верить, что многие годы он разрабатывал идею, что есть, существуют честные, умные, ответственные люди в советском партаппарате: это второй эшелон власти, это референты ЦК, инструктора, те, кто готовит доклады наверх, для зажавшихся, глупых и развращенных «первых». Вот они-то и есть опора и надежда, они — наше будущее, и от них зависит наш завтрашний мир! Ради этой иллюзии (так ему хотелось в это верить!) он искал знакомств, встреч, контактов с этими инструкторами, которые на самом деле были типичными карьеристами, людьми, предавшими свою науку, кто свои идеи и пошлешими стройными рядами во власть.

Часто Эрнст носился с идеей, что надо помочь какому-нибудь очередному члену ЦК понять сложные идеи современного искусства, разобраться в философских обоснованиях — и тогда он будет наш! И Эрнст с напряженным лицом, сильно нахмурившись, усика щеточкой, вид заговорщицкий, барабанил себя пальцами по зубам, как по клавиатуре, спрашивал у меня: «Старичок, старичок, быстренько расскажи мне, что там Фрейд придумал? Только вкратце, коротенько — мне надо им забить!»

Как-то мне пришлось зайти к нему ненадолго по делу. Обычно он сильно напрягался во время своих сидений с этой публикой. Они пили, как кони. Он придумывал, как ему казалось, наиболее доходную для них форму убеждения. Поэтому он свои лекции «транспонировал» на их язык (а люди это были из низов, да и в их кругах культивировалась предельно хамская форма общения).

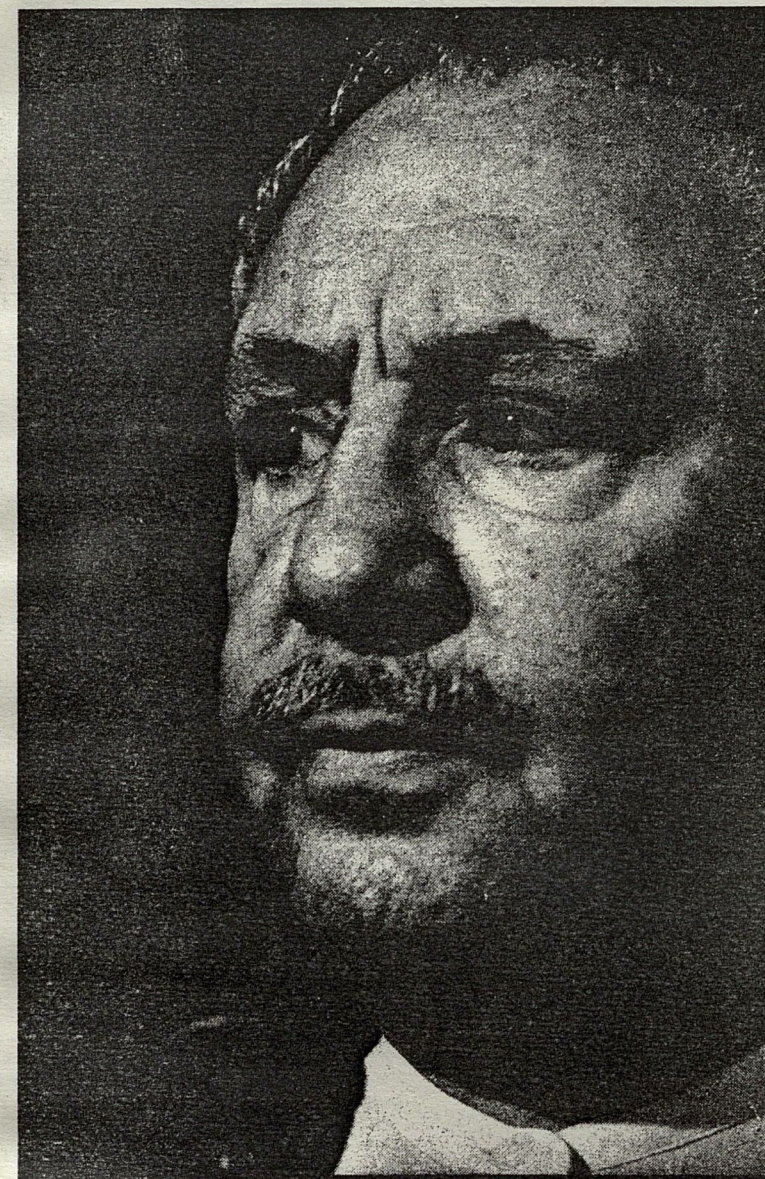
Я зашел, а в каморке наверху сидят на диване — инструктора! Из самого заоблачно-могучего ЦК! И Эрнст перед ними, сильно жестикулируя, с гипнотически горящим взором, убеждает: «Вот что такое церковь? Какова ее символическая функция? Церковь — это... — тут Эрнст сгибает правую руку, как кулак кому-то показывает, а левой по стигу хлопает, — это х..! Которым она е... небеса!» И Эрнст заходил кулаком туда-сюда, вверх-вниз! Тут он увидел меня, сделал страшные глаза и показал ими: давай, давай! Вид у него был очень специфический — он был похож на сицилианского бандита. Я поспешно ретировался, не желая ему портить спектакль.

Потом он объяснял мне, что надо было им показать величие религиозного духа и значение его в русской истории и культуре! Но, конечно, на понятном им предметном языке.

При этом бросается в глаза, что именно Хрущев и его свита навязали скульптору-оппоненту свой уголовный вокабуляр: ты что — пидар? Да я тебя шлёпнуть могу! Ты народные деньги прожирал, а делаешь — говно! И тот принял уровень — разборки, толковища, — и продолжал в их же тональности: да я сам, если хошь, могу себя шлёпнуть, а ты мне бабу дай, так я покажу, кто я...

Ясно, что эта историческая встреча ничем хорошим не могла закончиться. Но Эрнст весь был слеплен из таких противоречий, из прозрений и из заблуждений. Справедливости ради, надо сказать — не он один.

Конечно, Запад не смог дать Неизвестному тот простор деятельности, на который он так рассчитывал. Во всяком случае, пока ему не удалось реализовать

то, что он сам описывает так: «Что такое «Древо Жизни»? Это семь витков Мёбиуса, сконструированных в форме сердца (...) Мёбиус дает гигантское количество плоскостных возможностей при естественном, а также при искусственном свете (...) Мёбиус рассматривается сегодня многими как некая и научная, и метафизическая модель Вселенной. Для меня это важно потому, что в принципе все сооружения, претендующие на храмовую роль, есть микромодель Вселенной (...) Я предлагаю скульптуру, принцип построения которой заимствован у храмовой архитектуры...

Это сооружение должно быть достаточно большим. Диаметр больше 100 метров продиктован не просто желанием сделать большое, хотя, по моему твердому убеждению, большое — это хорошо». («Говорит Неизвестный», стр. 149).

Именно так он назвал свою книгу, выпущенную на Западе, — «Говорит Неизвестный». Прямо «Так говорил Заратустра»! Как бы слышится быстрой говорок:

— Старичок, кто это — Ницше? И что за Заратустра? Только быстренько, и самую суть! Мне надо инструкторам забить! — и трель пальцами по зубам.